

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.9.12>

Хазанкович Юлия Геннадьевна

Гендерные аксиологемы в повести Анны Неркаги "Анико из рода Ного"

В статье представлен авторский опыт выявления и декодирования на материале ненецкой повести гендерных аксиологем, выделение которых обусловлено спецификой культуры ненцев. Научная новизна определена, во-первых, методологическим подходом к прозе народов Севера, во-вторых, неизученностью гендерных аксиологем в прозе писателей-северян. Цель нашего научного исследования - осмысление генезиса гендерных аксиологем и их функционально-содержательной специфики в ненецкой повести. Результат исследования: "гендерная картина мира" ненцев спроецирована в повседневной и обрядовой культуре, определяет в повести Неркаги художественное содержание аксиологем семьи и одиночества, жизни и любви, мужчины и женщины, что делает ее непохожей на традиционную "женскую прозу".

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2020/9/12.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 9. С. 67-72. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2020/9/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

4. Муртазагалиев А. М. Магларул мацалда калъана кудияб гурус шигру // ХIакъикъат. 2017. 30 июнь.
5. Мусаханова Г. Б. Традиции Пушкина и творчество Р. Гамзатова // А. С. Пушкин и художественная культура Дагестана: сборник статей / сост. А. М. Абдурахманов. Махачкала: Даг. филиал АН СССР, 1988. С. 35-43.
6. Пушкин А. С. Полтава [Электронный ресурс]. URL: <https://ilibrary.ru/text/447/p.1/index.html> (дата обращения: 10.07.2020).
7. Пушкин А. С. «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» [Электронный ресурс]. URL: <https://ilibrary.ru/text/797/p.1/index.html> (дата обращения: 30.06.2020).
8. Рабаданов С. Пагъмуялъул бегерлъи // БагIараб байрахъ. 1983. 7 сент.
9. Султанов К. МугIрузул поэзиялъул Пушкин // БагIараб байрахъ. 1979. 6 июнь.
10. ХIакъикъат. 2016. 25 ноябрь.
11. ХIамзатов Р. А. С. Пушкин. Полтава. МахIачхъала: Дагъгиз, 1947. 81 гъ.
12. ХIамзатов Р. А. С. Пушкин. Поэмаби. МахIачхъала: Дагъгиз, 1949. 126 гъ.
13. ХIамзатов Р. Пахъалаб чед. МахIачхъала: Дагкнигоиздат, 1987. 244 гъ.
14. ХIамзатов Р. КучIдул. МахIачхъала: Дагкнигоиздат, 1979. 416 гъ.
15. ХIамзатов Р. Пушкин ва Кавказ // Гъудултъи. 1999. № 2. Гъ. 3-6.
16. ШугIайбов М.-Д. Пушкинил гъотIол гIаркъалаби // БагIараб байрахъ. 1976. 19 авг.

A. S. Pushkin in R. Gamzatov's Creative Work

Nabigulaeva Marjanat Nabigulaevna, PhD

Gamzat Tsadasa Institute of Language, Literature and Art
of Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala
nabmar2012@yandex.ru

The work aims to identify the role that A. S. Pushkin plays and the place that he takes in R. Gamzatov's creative work, specifics of his relation to the great Russian poet, as well as to determine the degree and nature of influence and recreation of Pushkin's image in creative work of the national poet of Dagestan. As a result of the study, it was found that Pushkin's traditions and motifs are represented not only in R. Gamzatov's literary work but also in his public activity. They manifest themselves in direct parallels to Pushkin's poetic traditions and also in the form of quotes, expressions and associations related to the poet's personality and writings. Scientific novelty of the research lies in the fact that it is the first work attempting to consider Pushkin's traditions and implementation of his image in R. Gamzatov's creative work in a comprehensive manner. For the first time, materials from R. Gamzatov's epistolary (the 1948 letter from Moscow), publicistic (speeches), poetic (poems "The Monument", "To Irakly Andronikov") heritage, making for the most prominent illustrations of creative connection between him and A. S. Pushkin, are introduced into scientific use.

Key words and phrases: R. Gamzatov; Dagestan literature; A. S. Pushkin; poetry; image; motifs; parallels; Pushkin's traditions.

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.9.12>

Дата поступления рукописи: 18.06.2020

В статье представлен авторский опыт выявления и декодирования на материале ненецкой повести гендерных аксиологем, выделение которых обусловлено спецификой культуры ненцев. Научная новизна определена, во-первых, методологическим подходом к прозе народов Севера, во-вторых, неизученностью гендерных аксиологем в прозе писателей-северян. Цель нашего научного исследования – осмысление генезиса гендерных аксиологем и их функционально-содержательной специфики в ненецкой повести. Результат исследования: «гендерная картина мира» ненцев спроецирована в повседневной и обрядовой культуре, определяет в повести Неркаги художественное содержание аксиологем семьи и одиночества, жизни и любви, мужчины и женщины, что делает ее непохожей на традиционную «женскую прозу».

Ключевые слова и фразы: ценности; гендерные аксиологемы; ненецкая повесть; женская проза; Анна Неркаги; культура повседневности ненцев; хронотоп.

Хазанкович Юлия Геннадьевна, д. филол. н., доц.

Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова, г. Якутск
hazankovich33@mail.ru

Гендерные аксиологемы в повести Анны Неркаги «Анико из рода Нога»

Актуальность исследования определена необходимостью изучения прозы ненецкой писательницы Анны Неркаги в гендерном аспекте. Подчеркнем, что женская проза и шире – женская литература – устоявшееся и хорошо изученное художественно-эстетическое явление в развитых русской и европейской литературах. В литературах народов нашей страны, являющихся язычниками или исповедующих православие, ислам или буддизм, женская литература также представлена, но, во-первых, «разноразноуровнево»: она почти не наблюдается в литературах Северо-Кавказского региона или имеет специфическое содержание в литературах народов

Сибири и Севера. Во-вторых, крушение аксиологически устойчивой картины мира этнобытия северян в XX веке актуализирует проблему сохранения её ценностной вертикали. Но надо заметить, что бытие включает в себя как ценностную вертикаль, так и ценностную горизонталь, и в нашей работе мы предлагаем сфокусировать внимание на гендерных аксиологемах.

Методы исследования. Применение ценностного подхода в изучении национального художественного текста – вопрос актуальный для современного междисциплинарного литературоведения: он позволяет смыслоосодержание текста, обладающего априори ценностной значимостью, соотнести с миром культурных ценностей. В качестве *теоретической базы* для нас важна работа Н. О. Лосского «Достоевский и его христианское миропонимание», которая является одним из интереснейших источников ценностного анализа русской классической прозы [14]. Но подчеркнем, что аксиологический подход был базисно фундаментирован работами М. М. Бахтина [1], который ввёл понятие «ценность» в понятийно-терминологический аппарат и методологически концептуализировал категорию «ценность» в литературоведении [Там же, с. 503]. Закрепление этого метода в теории литературы произошло уже в постсоветское время. Понятие «ценность» В. Е. Хализев окончательно закрепил в литературоведении, предложив рассматривать в аксиологическом аспекте мифы, персонажи, их ценностные ориентации [25; 26]. Более того, он предлагал обратить внимание на корреляцию текста авторского произведения с ценностями самой эпохи – прошлой и настоящей. На текущий момент имеет место теоретическая рефлексия самого понятия «литературоведческая аксиология» [5]. И к ней обращаются исследователи-теоретики национальных литератур. Так, в качестве теоретической базы для нас чрезвычайно важны наблюдения К. К. Султанова [22; 23], в которых автор на материале северо-кавказских литератур исследует художественную рефлексию фундаментальных этноценностей. Если обратиться к литературам народов Севера, то концептуальной для нашего исследования следует назвать монографию А. С. Жулевой «Мифопоэтическая модель мира в ненецкой литературе» (2019), в которой автор при анализе ненецкой прозы и поэзии впервые обращается к мифологической дихотомии «мужское – женское» в традиционной культуре ненцев. В частности, в параграфе «Гендерные особенности восприятия пространства» она делает вывод: «... в ненецкой мифологии женщина выступает матерью-прародительницей мира. Возможно, именно эти “космогонические” функции и обусловили ее особое положение в традиционном сообществе... “Очеловечивание” вселенского пространства через его связь с женщиной праматерью, с женщиной-тундрой, перенос в реальную жизнь героев гендерной дифференциации пространства позволили авторам выразительнее представить созидательные и разрушительные способности миропорядка ненцев в далеком и недавнем прошлом» [6, с. 72-73]. Не менее важны для нас статьи О. Лагуновой [11] и Н. Качмазовой [8], посвященные непосредственно повести Неркаги «Анико из рода Ного», в которых обозначен мир мужской и мир женский как проекция устройства ненецкого сообщества. Опираясь на работы своих предшественников, мы предлагаем на материале прозы северян свой опыт выделения и интерпретации архетипических ценностей в гендерном контексте (о гендере см.: [3; 24; 29]).

Таким образом, для достижения поставленной цели нам предстоит решить следующие *задачи*: 1) определить философское содержание понятия «ценность»; 2) выявить ценностную вертикаль национальной культуры ненцев в гендерном аспекте; 3) изучить на материале повести художественную репрезентацию ценностных смыслов культуры ненцев через аксиологема семьи и одиночества, жизни и любви, мужчины и женщины.

Практическая значимость нашего исследования очевидна: результаты могут быть использованы при изучении прозы арктических народов России, методологических поисков и проведении компаративистских исследований в области изучения национальных литератур.

Прежде чем обратиться непосредственно к тексту повести, необходимо прояснить само понятие «ценность» и почему именно художественный текст становится объектом исследования. Один из основоположников аксиологии Г. Риккерт считал, что ценность – это идеальное бытие нормы, именно ценности оправдывают и придают бытию смысл [10]. Один из теоретиков символизма А. Белый подчёркивал, что «история культур становится историей проявленных ценностей» [2, с. 21]. Культурные нормы и ценности выполняют в этническом сообществе очень важные функции, соединяя практики прошлого, прогнозируя будущее и контролируя настоящее. Во времена кризиса духовности и смыслов в современном обществе актуализируется «ценностная вертикаль», в которой человек нуждается, соотнося личные ценности с абсолютными ценностями и смыслами рода, этноса, общества [9; 12]. Чтобы понять ценностные смыслы, в ценностную вертикаль необходимо вжиться [29], и в этом непросто процессе «вживания» значимость фольклорного «звучащего слова» и авторского слова в художественном тексте велика. И для нашего исследования значителен тот факт, что художественная словесность для аксиологии является важным источником знаний о ценностях этноса, культуры, эпохи. М. С. Каган говорил, что культура – это мир ценностей, а авторское творчество – это «язык ценностей» [7, с. 187-188].

Художественное внимание Неркаги к миру женщины и миру мужчины обусловлено, на наш взгляд, культурной традицией ненцев и отличается бытовизмом и метафоричностью образов одновременно. Эта особенность ненецкой «женской прозы» определена в некоторой степени влиянием русской литературы. В повести «Анико из рода Ного» (1983) воплощена аксиологема семьи – человеческое счастье начинается с семьи и рода. Но главная героиня повести Анико у Неркаги, вопреки традиции, не носительница семейно-родовых ценностей, более того, она предстаёт даже как разрушительница семейно-родовых связей. И в этом нам видится оппозиция к традиционной трактовке роли женщины в родовом ненецком сообществе.

Женско-мужской мир в повести «Анико из рода Ного» с первых страниц воплощён чумом отца и чумом матери. Это деление «мужское – женское» укоренено в ненецкой культуре и определено мифологическими представлениями о мире. Так, Л. Хомич отмечал, что к половозрелости ненецкая девушка была ограничена в действиях, связанных с религиозными представлениями ненцев, а замужняя женщина и вовсе исключалась из всех религиозных обрядов рода [27, с. 195]. Т. Лехтисало также в своё время зафиксировал, что «юраки (ненцы. – Ю. Х.) считают женщину нечистой... Женщины не имеют право пользоваться мужскими лыжами и нартами, а также обходить вокруг мужских нарт и мужского чума. Женщина не может наступать на пищу, а также пересекать след охотника. Нельзя наступать на предметы, принадлежащие мужчинам, и подниматься над ними... Если женщина наступит на мужчину, он может умереть» [13, с. 90]. Мир духов в сакральной картине мира ненцев, как и у большинства народов Севера, гендерно маркирован [4, с. 107-158; 5]; «самоеды воспринимали огонь как живое существо, Бабушку-старуху Огня» [13, с. 86], и само пространство чума, по сведениям Т. Лехтисало, тундровые ненцы называли «мать-бабушка чума» [Там же, с. 89]. По сведениям Л. Хомич, «установка чума в прошлом было делом женщин, которым помогали девочки-подростки. Сейчас во многих районах женщинам помогают мужчины» [27, с. 91]. Чум традиционно делится у ненцев на «си» и «не» – мужской и женский. Дом-чум мамы в восприятии и воспоминаниях детства Анико – это «мир, созданный её любовью, усталыми, но неутомимыми руками... тепло чума не только от весёлого огня, а больше от улыбок... Мама возится у костра, поторапливая вечерний котёл с мясом» [16, с. 85], а отец, выбирая оленя для Анико, говорит о нём: «На нём женщине нельзя ездить. Он принадлежит Идолу удачи...» [Там же, с. 312].

Герои в повести образуют систему гендерных пар – Анико и Алёшка, старый мужчина – отец Анико и старая женщина – мать Алёшки. У каждого представителя пола своя функция, направленная на раскрытие и этнотипа, и гендерных отношений в традиционном сообществе [18]. Рудиментом матриархата в патриархальном ненецком сообществе является то, что основой рода оказывается не мужчина, а женщина, точнее «безликое женское начало», которое проявляется в повести в образе безымянной матери Алёшки: «Женщины редко когда называют друг друга по имени, чаще – матерью живого ребёнка» [16, с. 297]. Но в повести «женское» начало воплощено образом девушки, имеющей имя Анико, но утратившей связь со своим родом.

Сюжет повести «Анико из рода Ного» строится на мотивах инициации и ухода/возвращения. Анико вспоминает, будучи уже взрослой, как «мама стаскивает с Анико мокрые кисы, сажает дочь за стол и даёт вкусную лепёшку из икры рыб. Как хорошо было уходить и возвращаться к маме...» [Там же, с. 84]. Пожилые ненцы о своих детях, проучившихся в школе-интернате 7-8 лет, думают – «дети уходят» [Там же, с. 85]. Но автор их переосмысливает: героиня уходит не по своей воле в интернат, а потом возвращается домой. Её уход предопределён – это «инициация», взросление-посвящение героиня проходит не в «сакральных» местах, сакральном пространстве родовых традиций, а в отдалении (об архетипических мотивах см.: [15]). Её насильно увозят в интернат, где она проходит «посвящение» и принимает «чужое» как своё. При этом она отказывается от «своего» пространства-мира, его физически и чувственно не принимает. Это непринятие автором обозначено лаконично, ёмко, через внутренний монолог: «Оставаться в тундре глупо. Это означает, что надо переучиваться жить» [16, с. 86]. Героиня после долгого отсутствия по дороге в родное стойбище Лаборова оказывается в не менее для неё родном посёлке, где она десять лет училась и жила в интернате. Это её дом, но там уже ощущимо её отчуждение от него – ей было все знакомо, но стало непонятным. Позднее чувство «чужести» углубляется и уже воплощено через образ отца запахом дыма, «грязного тела», «чёрной малицей» и «морщинистым лицом». Она на дух уже не принимает сырую печень, запах оленьей шкуры, «дикую пляску».

Неркаги – мастер деталей, и это, на наш взгляд, сближает её повесть с русской женской прозой. Чрезвычайно информативно детализированное описание отцовского мира, с которым Анико встречается после долгой разлуки: «Она со страхом смотрела на чёрную малицу отца, на его спутанные сальные волосы, грязные руки и чувствовала, как горлу подступает тошнота» [Там же, с. 85]. И через детали, по точному замечанию Е. Роговера, автор передаёт «подлинную и зримую драму Анико» [19, с. 117]. Заметим, эта драма – психологическая, например, в сцене эмоционального всплеска чувственно «закрытая» Анико приоткрывается в момент разговора её одинокого отца с собакой: «Не говори, не говори с собакой. <...> Посмотри на меня. Я вернусь, папа, а пока отпусти меня. Не могу остаться. Я разберусь в себе и буду с тобой... Я должна понять» [16, с. 342].

Тема одиночества и сиротства сближает русскую женскую прозу и повести Анны Неркаги. Одиночество героев А. Неркаги очень близко и знакомо читателям по русской литературе – это одиночество социальное, и оно пронизывает все национальное сообщество. Одинока Анико, одинок её отец, одинок Алёшка, и они ощущают своё одиночество. Для потерявшего родных людей старого Себеруя старшая дочь Анико тоже живёт в его чувствах не в настоящем, а в прошлом, которого тоже, по сути, для него уже нет: «Была у меня дочь... Прошло много лет... Она нашу жизнь забыла. Я думаю, не нужны мы ей» [Там же, с. 81]. Сердце отца не обмануло. Трагедия Анико – именно в притупленности у неё чувства родства, которое собственно и крепит человека к роду, земле, в которой зарыта её пуговина. Закон родства – «основа и всего человеко-природного сообщества человеческого мира» [8, с. 49]. Мотив родства, кровности спаян с мотивом смерти. Жизнь (духовная и физическая) возможна только при условии «родственности» и продолжения своего рода. И в традиционных представлениях ненцев смерти как таковой нет, и, соответственно, уход из жизни не прерывает цепочку родственности. В частности, Анна Неркаги замечает: «Умерший продолжает жить в кругу родных в образе Идола. Считается, что он бережёт покой в доме» [16, с. 81]. Но в повесть Неркаги почти с первых страниц входит смерть: пространство смерти воплощено кладбищем. Заметим, что Н. Качмазова выделила хронотоп родового кладбища [8, с. 52], который воплощён образом «свирепого и ненасытного

идола смерти Нга», деталью-рефреном – «умирали сотнями», «смерть не щадила ни молодых, ни старых», «люди умирали целыми стойбищами». Мотив умирания закольцовывает повествование Неркаги: физическое вымирание народа в начале повествования и «умирание души» самой Анико в конце повести. Автор это показывает через описание чувств Анико накануне поездки в родное стойбище, где родилась и жила до семи лет: «Она даже не помнит отца. Как они там живут? Голоса отца ей не узнать. Все стало чужим и непонятным» [16, с. 83]. «Анико не узнавала ничего из своего детства... Лицо матери... Она никак не может вспомнить его» [Там же, с. 87].

У Анны Неркаги, таким образом, диада «любовь/смерть» выведена за рамки чувственной, плотской любви, привычных для европейского читателя любовных переживаний между мужчиной и женщиной [18]. Эта диада раскрывается через мотив родственности. Автор через детализированное описание фиксирует смерть любви героини к своему отцу. Ей его жалко, но это чувство не сопряжено с привычным «жалеть – любить». Жалость Анико – это останки детских ощущений родства со своим отцом, а сейчас ей «рядом с отцом было неловко, потому что надо было любить, а любви нет, есть жалость» [16, с. 85]. Но чаще всего автор прибегает к внутреннему монологу с целью передачи её чувств, переживаний и сомнений.

Анико – естественный и искренний человек, живёт, как дышит, даже не пытается бороться со своими подлинными чувствами, и автор фиксирует бесчувственную «жалость» Анико к отцу, убийство-смерть любви любящего её друга детства из стойбища Алёшки. У неё даже чувство к матери угасло – время убило его, равно как стёрло черты лица матери в памяти молодой ненки. Таким образом, одним из героев этой повести становится беспощадное, равнодушное, суетное время. Как будто само время не даёт возможности Анико принять и полюбить свой «чужой» мир семьи и сородичей: «В сознании все время жила мысль, что по окончании института у неё будет возможность съездить к матери и отцу, полюбить их...», но «человек человека иногда не в состоянии понять» [Там же, с. 83], потому что «время другое, люди другие. Дети уходят от родителей, уходят от земли, от традиций и часто уходят от долга» [Там же, с. 91]. Так суета становится причиной и непонимания другого. Потому и «словесное поле» героини Неркаги кардинально отличается от героинь «женской прозы» развитых литератур. Психологическое состояние Анико совершенно не связано с рефлексией таких важнейших для любой женщины ценностей, как взаимная любовь, дети, семья. Тема любви сближает повествование Неркаги с русской «женской» прозой. Любовь молодого оленевода Алёшки к Анико – любовь чистая, но не взаимная, и, по его признанию, он «не может победить то, что отнимает у него Анико. Соперником была жизнь» [Там же]. Внешнего противоборства между Анико и Алёшкой нет, но внутреннее противостояние носит гендерный оттенок: если женщина «старых взглядов» искренне «верит в силу и ум мужчины» [Там же, с. 90] и принимает его как такового, то Анико – девушка уже «другого» мира, мира с качественно иными ценностями и потребностью просто «вести дискуссии о будущем».

Анико не волнуют чувства Алёшки – друга детства, она обеспокоена трудностями понимания и принятия другого, уже «чужого» для неё мира. Модель поведения героини Неркаги не стыкуется с ожиданиями окружающих, но обнажает её внутренний мир. Так, переживания Анико образуют ценностное поле её речевой характеристики, в которое не входят понятия долга и ответственности. Тогда как у потомственного оленевода Алёшки его модель поведения и словесное поле определены словами «любовь», «семья», продолжение рода, ответственность.

Следует сказать, что у Анны Неркаги образы мужчин не эпизодичны и выступают в ведущей роли. Образы старого Себеруя и молодого Алёшки полнокровны, и их художественное воплощение полностью соответствует авторскому художественному видению. Мужские характеры в повести «Анико из рода Ного» типичны в ненецком сообществе и наделены гендерно культивируемыми чертами. Мужчина у ненцев – это твёрдость характера, немногословность, способность любить, готовность нести ответственность.

В повести гендерные ценности ненецкого сообщества проявляются и на хронотопическом уровне. Некоторые хронотопы – хронотоп чумы, хронотоп родового кладбища, хронотоп стойбища, – как мы ранее уже отмечали, выделила Н. Качмазова [8, с. 52]. В повести Анны Неркаги можно выделить ещё один – хронотоп родового огня, родового очага. Нам кажется, что и он гендерно маркирован, воплощает собой так называемое «женское» время-пространство, тогда как хронотоп промысла ассоциирован с «мужским» временем-пространством. Безымянная хранительница рода – мать Алёшки – обращается к Огню – «великому корню жизни» – в заступнической просьбе за сына своего: «– Если сын мой, обезумев, наступит на сердце твоё, прости его. Когда сын моего сына подсядет к тебе, прими его. <...> Её слово было принято. Не упало холодным камнем, не вороном в небо поднялось, а в Великую душу принято. И тогда, твердея голосом, сказала жёстко: – Если сын мой пожелает смерти тебе... сожги его» [16, с. 8].

Обращаясь к хронотопу повести, следует подчеркнуть, что время в повести как застыло, оно не идет: «Время здесь словно остановилось... <...> ...тяжёлое свинцовое небо нависало низко... и чумы, стоящие в ущелье, не курились сизым дымком» [Там же, с. 76]. Остановившееся время подчёркивается через образ Себеруя: когда погибли от клыков волка его жена и младшая дочь, то «от него отошло все: и люди, и время, да же он сам» [Там же, с. 78]. Старый Себеруй после гибели близких живёт в основном настоящим – у него нет будущего. В повести имеет место столкновение хронотопических ценностей героев – отца и дочери. Если отец-старик живёт исключительно настоящим и воспоминаниями о прошлом: «...придётся доживать последние дни одному. Он ведь в большой посёлок поехать не может. Жена и дочь здесь. Здесь было счастье» [Там же, с. 341]; он живёт этим прошлым на протяжении всего повествования: до последнего вздоха Себеруй не расстанется с оленями, потому что «расставшись с ними, навсегда потеряет всё дорогое, связывающее с прошлым» [Там же, с. 95],

то его дочь Анико живёт будущим: «...но как бросить все: институт, театр, кино, споры с товарищами об интересном и ярком будущем?» [Там же, с. 89].

В повести, написанной женщиной, ощутим «женский язык» – в авторской речи, речевых характеристиках героев. Он проявляется у Анны Неркаги в экспрессивности, откровенности, открытости, искренности: «Посмотри на меня. Я вернусь, папа, а пока отпусти меня. Не могу остаться. Я разберусь в себе и буду с тобой... Я должна понять» [Там же]. Этот отрывок интересен «речеобразом» Анико, который подчеркивает её «женский поведенческий стереотип», и он скорее универсальный, нежели национальный. Для повествования Неркаги характерна рефлексивность авторского повествования. Анна Неркаги, как и большинство женщин-писательниц, активно обращается к слову-детали. Так, для Анико первая ночь в Лаборовой не только бессонная, но и «незнакомая, непривычная» [Там же, с. 84]. Речевая экспрессия определена не только гендерной принадлежностью автора, но и фактами автобиографических переживаний самой писательницы, героиня которой “alter-ego” Неркаги. Сама Неркаги говорит: «...многое взято из жизни нашей семьи» [Там же, с. 99]. Это не совсем характерно для молчаливых героинь писательниц-северянок, и это отличает их от героинь в русской литературе [17; 24; 28]. Исследователь О. К. Лагунова обратила внимание на обилие в повести глаголов действия и, самое важное, «красноречивое молчание» [11, с. 146]. Полагаем, молчание как таковое определено самой традицией общения народов Севера – слов мало, и общение выстроено на полунамёках и многозначительном молчании. В традиции ненцев суетливости нет: «У ненцев так положено: при встрече, поздоровавшись, обязательно надо понюхать табуку, а потом уже заводить разговор» [16, с. 97]. Герои мало говорят, но каждое слово конкретно и ёмко: «Не думала, что мне будет так тяжело. Я, оказывается, все помню. – Анико говорила медленно. – Боюсь встречи с ними. Понимаете? Я могу оказаться не такой, какой они ждут» [Там же, с. 84]. Таким образом, в повести поднимается проблема соответствия/несоответствия. Но если в русской женской прозе это соответствие/несоответствие роли жены, матери, женщины, то у писательниц-северянок, и в частности у Неркаги, – самой родовой традиции, родовым ценностям и родовым представлениям о Женщине – хранительнице очага, знатоке родного языка и традиций, продолжательнице рода, потому что на женщине великая миссия, по представлениям ненцев, – от неё зависит судьба рода и судьба её детей.

Выводы. Проведенное исследование позволяет констатировать, что бытийные ценности, «значащие ценности» (Г. Риккерт) можно встретить, прежде всего, в текстах культуры, к которым, безусловно, относятся не только устные и «невыводимые» женские истории, но и художественный текст. Фольклорно-этнографические источники, равно как и художественный текст, являются важным источником представлений об этноценностях ненцев, а также своего рода плацдармом для глубокого понимания и вживания в ценностную вертикаль традиционной культуры. Это, собственно, нам и позволило выявить генезис и содержание гендерных аксиологем, которые не являются инолитературной/инокультурной калькой, а есть не что иное, как репрезентанты ценностных смыслов норм поведения женщины и мужчины в ненецком обществе, их личностных и семейных отношений, имеющих проекцию в организации бытового и сакрального пространства. Так, у Неркаги воплощается через гендерную аксиологию (а именно аксиологемы семьи и одиночества, жизни и любви, мужчины и женщины) «ценностная вертикаль» бытия сородичей. Женско-мужской мир в повести «Анико из рода Ного» воплощается чумом отца и чумом матери. Это деление «мужское – женское» укоренено в ненецкой культуре и определено мифологическими представлениями о мире. Гендерные ценности ненецкого сообщества воплощаются на хронотопическом уровне, кроме хронотопа чума, это хронотоп родового огня и хронотоп промысла. Если очаг воплощает «женское» время-пространство, то промысел ассоциирован с «мужским» временем-пространством. Рудиментом матриархата в патриархальном ненецком сообществе является то, что глава рода – не мужчина, а Женщина. Мужские характеры в повести «Анико из рода Ного» типичны для ненецкого сообщества и наделены гендерно культивируемыми чертами. Мужчина у ненцев – это твёрдость характера, немногословность, способность любить, готовность нести ответственность. Но главная героиня повести Анико, вопреки традиции, не носительница и не хранитель семейно-родовых ценностей, она предстаёт, скорее всего, как разрушительница семейно-родовых связей. И в этом нам видится оппозиция к традиционной трактовке роли женщины в родовом ненецком сообществе. Анализ гендерных аксиологем в повести выявил проблему девальвации архетипических ценностей национального бытия ненцев – любви и сострадания, выбора, ответственности и долга. Безусловно, аксиологическое прочтение национальной прозы – это одно из исследований «частных проблем» (Д. С. Лихачев), но весьма **перспективное** в свете предложения Клавдии Смолы изучить прозу малых народов Северо-Западной Сибири в аспекте «теории постколониальности и травмы исчезновения» [21, с. 443]. Текущий этап в изучении литератур малочисленных народов Севера – пока время накопления «эпизодических обращений» [20, с. 719], которые по достижении критической массы станут базовыми для методологического фундамента и скрупулезного исследования ценностных аспектов литератур малочисленных народов Севера. В этом нам видится значимая **перспектива** аксиологических наблюдений над прозой писателей-северян.

Список источников

1. Бахтин М. М. Литературно-критические статьи. М.: Художественная литература, 1986. 543 с.
2. Белый А. Символизм как миропонимание. М.: Республика, 1994. 528 с.
3. Бульчев И. И. Гендерная картина мира в свете методологии атрибутивного подхода [Электронный ресурс] // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2004. Вып. 2 (34). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gendernaya-kartina-mira-v-svete-metodologii-atributivnogo-podhoda/viewer> (дата обращения: 15.12.2019).

4. Бурькин А. А. Вера в духов: сколько душ у человека. СПб.: Азбука-классика; Петербургское востоковедение, 2007. 320 с.
5. Есаулов И. А. Литературоведческая аксиология: опыт обоснования понятия // Евангельский текст в русской литературе XVIII-XX вв.: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр: сборник научных трудов / отв. ред. В. Н. Захаров. Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского ун-та, 1994. С. 378-383.
6. Жулева А. С. Мифопоэтическая модель мира в ненецкой литературе. М.: ИМЛИ РАН, 2019. 323 с.
7. Каган М. С. Философская теория ценности. СПб.: Петрополис, 1997. 205 с.
8. Качмазова Н. Возвращение в прошлое или вперёд, в грядущее // Ненецкая литература: сборник / сост. В. В. Огрызко. М.: Литературная Россия, 2008. С. 46-54.
9. Кочеров С. «Аксиологема» как проблема теории ценностей [Электронный ресурс]. URL: http://www.intelros.ru/readroom/credo_new/credo-new-2011-4/12043-aksiologema-kak-problema-teorii-cennostey.html (дата обращения: 09.11.2019).
10. Краткий философский словарь / под ред. А. П. Алексева. М.: Проспект, 2004. 496 с.
11. Лагунова О. Поэтика встречи в повести А. Неркаги «Анико из рода Ного» // Реальность этноса. Национальные школы в этнологии, этнографии и культурной антропологии: наука и образование: сборник мат-лов Научно-практич. конф. / ред. И. Л. Набок. СПб.: Изд-во РГПУ, 2001. С. 145-149.
12. Леонтьев Д. А. Ценность как междисциплинарное понятие: опыт многомерной реконструкции // Вопросы философии. 1996. № 4. С. 15-26.
13. Лехтисало Т. Мифология юрако-самоедов (ненцев). Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1998. 135 с.
14. Лосский Н. О. Достоевский и его христианское миропонимание. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1953. 406 с.
15. Мелетинский Е. М. О литературных архетипах. М.: РГГУ, 1994. 136 с.
16. Неркаги А. Молчаливый: повести. Тюмень: СофтДизайн, 1996. 416 с.
17. Огрызко В. Бегство от цивилизации // Ненецкая литература: сборник / сост. В. В. Огрызко. М.: Литературная Россия, 2003. С. 39-46.
18. Пушкарёва Н. Л. Об эмпатии в антропологии и важности раздельного описания и изучения мужской и женской повседневности // Женщина в российском обществе. 2014. № 1. С. 3-11.
19. Роговер Е. С. Литература народов России. СПб.: Дрофа, 2008. 317 с.
20. Семёнов А. Н. Аксиологический аспект обско-угорской литературы // Вестник угроведения. 2019. Т. 9. № 4. С. 718-727.
21. Смола К. Постколониальные литературы Севера: автоэтнография и этнопоэтика // Новое литературное обозрение. 2017. № 2. С. 429-448.
22. Султанов К. Национальное самосознание и ценностные ориентации литературы. М.: ИМЛИ РАН; Наследие, 2001. 196 с.
23. Султанов К. От «единства многообразия» к «единству-в-различии». Из опыта изучения литератур народов России // Вопросы литературы. 2016. № 1. С. 67-102.
24. Фатеева Н. А. Современная русская «женская» проза: способы самоидентификации женщины-как-автора [Электронный ресурс]. URL: <http://www.owl.ru/avangard/sovremennayarus.html> (дата обращения: 06.11.2019).
25. Хализев В. Е. Теория литературы. М.: Академия, 2013. 432 с.
26. Хализев В. Е. Ценностные ориентации русской классики. М.: Гнозис, 2005. 432 с.
27. Хомич Л. В. Ненцы. СПб.: Русский двор, 1995. 334 с.
28. Черноушек М. Психология жизненной среды. М.: Мысль, 1989. 174 с.
29. Csikszentmihalyi M., Rochberg-Halton E. The Meaning of Things: Domestic Symbols and the Self. Cambridge (UK): Cambridge University Press, 1981. 301 p.

Gender Axiologemes in the Novel “Aniko of the Nogo Clan” by Anna Nerkagi

Khazankovich Yuliya Gennad'evna, Dr
M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk
khazankovich33@mail.ru

The article focuses on identifying and decoding culture-specific gender axiologemes in the Nenets novel. Scientific originality of the paper is conditioned by the fact that the researcher suggests a methodological approach to studying the northern prose and also by the fact that gender axiologemes in northern writers' prose have not been previously investigated. The research objectives are as follows: to analyse the genesis of gender axiologemes, to reveal their functional and meaningful specificity in the Nenets novel. The following conclusions are justified: the Nenets “gender worldview” is manifested in everyday and ritual culture; in Nerkagi's novel, it determines artistic content of axiologemes of family and loneliness, life and love, a man and a woman, which makes it unlike the traditional “female prose”.

Key words and phrases: values; gender axiologemes; Nenets novel; female prose; Anna Nerkagi; Nenets everyday culture; chronotope.